

Владимир Войт

**Воспоминания о
графе Михаиле
Николаевиче Муравьеве...**

Владимир Войт

**Воспоминания о графе Михаиле
Николаевиче Муравьеве
по случаю воздвижения
ему памятника в г. Вильне**

«Public Domain»

1898

Войт В. К.

Воспоминания о графе Михаиле Николаевиче Муравьеве
по случаю воздвижения ему памятника в г. Вильне /
В. К. Войт — «Public Domain», 1898

«Главный начальник Северо-Западного края, Михаил Николаевич Муравьев, прибыв в 1863 году, кажется, в мае месяце, приказал по телефону живущему в Вильне жандармскому полковнику Ж. прибыть в назначенное время в двухместной карете на Виленскую станцию железной дороги и воспретил телеграфу временно передавать частные сообщения, что обеспечило дальнейшее его путешествие...»

Владимир Войт

Воспоминания о графе Михаиле Николаевиче Муравьеве по случаю воздвижения ему памятника в г. Вильне

Главный начальник Северо-Западного края, Михаил Николаевич Муравьев, прибыв в 1863 году, кажется, в мае месяце, приказал по телефону живущему в Вильне жандармскому полковнику Ж. прибыть в назначенное время в двухместной карете на Виленскую станцию железной дороги и воспретил телеграфу временно передавать частные сообщения, что обеспечило дальнейшее его путешествие.

За Динабургом тянулись до прусской и австрийской границ огромных размеров леса, о которых в настоящее время трудно себе и представить. В этих лесах гнездились банды повстанцев, вооружение которых быстро подвинулось с тех пор, как посланный за границу для казенных заказов по акцизному управлению чиновник Огрызко внес в Познанский банк значительную сумму казенных денег в депозит Народного Ржонда, что подняло его кредит. Эти деньги были возвращены Огрызке из народных сборов.

В то время приходилось проезжать по большим дорогам Сувалкской губернии и на огромном протяжении не встречать ни одной живой души, словно все вымерло, и лишь курящиеся дымки в лесах, как бы сказывали, что туда скрылось население страны.

Банды повстанцев, в видах военного приготовления и для отыскания продовольствия, передвигались с одного места на другое. Любимейшими их притонами были усадьбы богатых помещиков. Здесь прославлялась воскресающая отчизна. Старая водка исчезала во множестве. Распевали гимны, т. е. революционные песни во славу отчизны, и, возбуждая в себе воинственность, задорно ругали москалей, тщеславно кичились будущими военными подвигами и романсовали с прелестным полом. Разгул был бесшабашный, радостный, поддерживаемый рассказами готовящейся помощи со стороны Европы и о вымышленных победах над русскими войсками Мирославского и Лангевича с его адъютантом пани Пустовойтовой.

«Все для Отчизны!» – слышалось повсюду. Малейшее подозрение в уклонении от общего настроения и неуплаты в народный сбор влекло за собой смертные приговоры.

Народовый Ржонд прессом сдавил все общество в одну массу, в которой каждый заботился только о своей жизни. Кто управлял Ржондом и где он существовал – было неизвестно. Назывался же он подпольным.

Добраться до него было почти невозможно, так как он скрывался за хитро продуманной организацией, в которой каждый из заговорщиков выбирал себе двух, те опять двух и т. д., через что образовывалась сеть треугольников, члены которых только в количестве нескольких человек были известны друг другу и таким образом скрывались личности руководителей, передававших приказания от имени Ржонда по протяжении треугольников, они же могли повсюду присутствовать, все обозревать и входить в личные сношения с теми, которые их и не подозревали.

Членами Народного Ржонда были и ксендзы. Они предводительствовали шайками, руководили заговором и фантазировали обществом. В Ченстохове говорили молящимся, что только по их просьбам Матка Боска не покинула обители в ожидании, что народ исправится и окажет рвение к восстановлению отчизны. При содействии ксендзов появились так называемые пророченцы, к лачугам которых подъезжали кареты и находящиеся в них пани ползком и на коленях достигали этих благовестительниц будущих судеб о Польше. Для фанатиче-

ского воздействия на простолюдинов, ксендзы, придав фосфорическое сияние своей голове, молились по ночам в уединенных местах.

Поскребите поляка и вы откроете женщину – его властительницу. Поскребите эту женщину и откроется ксендз – владыка ее души и тела, покорнейший послушнейший раб Ватикана, этого злейшего и непримиримого врага православия.

Припомним роковое предсказание графа Остермана, когда император Александр Павлович приехал в Варшаву в 1818 году. Для открытия первого сейма и всем сделалась известна речь его, оскорбившая русское самолюбие. В Варшаве русских держали в черном теле, вероятно, чтобы нравиться полякам, высокомерно возмечтавшим о себе. На одном из смотров подходит Паскевич к Милорадовичу и Остерману (их тоже держали в черном теле в Варшаве, чтобы привлечь любовь польских генералов армии Наполеона) и спрашивает у них: «Что из этого будет?». Граф Остерман отвечал: «А вот что будет, что ты через 10 лет со своей дивизией будешь их штурмом брать».

В то время Польша представляла самобытное царство с ее сеймом, законами, монетным двором и войском, обученным знатоком и любителем сего дела цесаревичем Константином Павловичем, находящимся в морганатическом браке с полькой. Даже офицеры получали содержание золотом, как в заграничных походах. На русские деньги проводились шоссе, тогда как из Петербурга в Москву местами проезжали по трясинам, на которые настилали бревна вроде плотов.

Назначенный в 1820 году в Вильну куратором (вроде попечителя учебных заведений) князь Адам Чарторижский, пользуясь дружбой императора, влиянием знаменитого в то время виленского университета и ксендзов, успел ополычить близлежащие к Царству наши окраины и тем увеличить его силу.

С одной стороны, представлялось цветущее состояние Царства Польского, с другой, тишь да гладь, да Божья благодать, под господством Аракчеева, у которого идеалы общественной жизни сливались с казарменными порядками. Органической связи между ними никакой не было. Кичливость поляков, тщеславие и воинственный задор вызвали революцию 1830 года, начатую юнкерами варшавского военного училища.

Братоубийственная война окончилась взятием приступом Варшавы генерал-фельдмаршалом графом Паскевичем-Эриванским, как это предсказал граф Остерман.

Репресарии состояли чисто из одних полицейских мер. Паскевич, получивший сан князя Варшавского, сделан был наместником. Пользуясь неограниченным доверием императора Николая Павловича, он представлял могущественного сюзерена, не допускавшего какое-либо вмешательство петербургской власти. Даже подчинение нашему департаменту таможен и пограничного надзора, а равно снятие таможенной линии между Россией и Польшей были встречены враждебно могущественным наместником, давшим цветущее состояние Царству, сохранившему прежнее государственное положение, исключая сейм.

Император Николай Павлович не мог простить полякам, что они во время коронации его в Варшаве в 1830 году клялись и уверяли в безграничной преданности, а по прошествии нескольких месяцев изменили. Светлейший же наместник не только успевал обращать царский гнев на милость, но приводил в исполнение даже Высочайшие повеления, не выгодные для магнатов; так, повеление 1846 или 1848 года предоставить крестьянам в вечную аренду занимаемые ими земли без переделов – с установленной годовой платой, не было приведено в исполнение по приказанию наместника, в чем мы имели случай удостовериться, устраивая крестьянский быт с шестидесятих годов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.